

мировании госучреждений («Реформы в одном учреждении»).

Особое место в танеровском карнавале принадлежит женским образам (рассказы «Беатрис Мавьян», «Хариклия», «Реформы в одном учреждении»). Готовность героинь принять окружающие их безнравственность и убогость жизни высмеивается писателем с помощью таких сатирических приёмов, как подмена внутреннего внешнего и наоборот, гротескное окарикатуривание и стереотипирование, ирония и др.

Рассказ «Беатрис Мавьян» (1946) пронизан противопоставлением: кем человек является на самом деле и кем пытается казаться окружающим. Так, внешность, поступки, высказывания и размышления главной героини Беатрис совершенно не соответствуют идеальному образу «высокоцивилизованной», «высокообразованной» и «высокоморальной» «светской мадмуазель», за которую она сама себя выдаёт. Подчеркнуть это несоответствие призван личный повествователь, включённый Танером в карнавальную игру, - человек недалёкий, представляющий тип городского обывателя с низким материальным достатком, изо всех сил расхваливает героиню, доказывает её «высокодуховность». Но парадокс в том, что чем больше дифирамбов он ей распекает, тем заметнее для читателя становится её мнимость во всём - мнимая образованность, мнимая духовность, мнимая красота. Таким образом, личный повествователь, не желая того (по замыслу автора), разоблачает истинную сущ-

ность Беатрис Мавьян. В этом рассказе впервые в новеллистике Танера начинает проступать несовпадение позиций автора (авторского взгляда на действительность) и личного повествователя (примитивного обывательского сознания, зашоренного нормами потребительского общества).

Личный повествователь Халдуна Танера - «усреднённый» человек - не привык особенно размышлять над жизнью. Зато он привык мыслить готовыми штампами, которые сформировала в его мозгу крикливая, выходящая изо всех углов наглость и бездуховность окружающего мира. Поэтому восхищение повествователя «блистательной представительницей прекрасного пола» Беатрис Мавьян, обладающей богатым наследством, не имеет предела. В ракурсе материального достатка Беатрис для него теряет актуальность некарасивость девушки, описанная с гротескным преувеличением. Повествователь совершенно искренне недоумевает, почему до двадцати восьми лет так и не нашёлся ни один претендент на руку и сердце этой «тонкой натуры».

Неожиданная женитьба Жираира на Беатрис становится развязкой рассказа. Государство обязывает Жираира заплатить налог на имущество. Денег у него нет. Поэтому, поразмыслив, он приходит к выводу, что «обнимать волосатое тело Беатрис и целовать ее прыщавую физиономию будет все-таки меньшим злом по сравнению с необходимостью уплатить наличными шестьдесят тысяч лир»³. Подобное ре-

шение, с точки зрения личного повествователя, представляется вполне логичным и правильным. Он бы и сам так поступил, будь он на месте Жераира.

Сатирическая поэтика сатирика (говоря его собственными словами, «народнический стиль») даёт ему возможность беседовать «на равных» с читателем, ничего «не разжевывая» и не объясняя, отстраняясь от дидактических поучений.

Гуманизм писательской позиции Танера, проблемы, которые он поднимает в своих рассказах, делают их понятными не только для турецких читателей, но и для читателей других национальностей. Сегодня его произведения переведены на английский, французский, немецкий, греческий, русский и мн. др. языки. Его книги издаются в Австрии, Израиле, Пакистане, Норвегии, Швейцарии. В Турции именем Халдуна Танера назван театр в стамбульском районе Кадыкей.

¹ См. подробнее: *Оганова Е.А.* Традиции народной драмы в современной турецкой драматургии. М., 2006. (*Oganova E.A.* Traditii narodnoi dramy v sovremennoi turestkoj dramaturgii. M. 2006) (in Russian)

² *Алькаева Л.О.* Из истории турецкого романа 20-50-е годы XX века. М., 1975, с. 233; *Утургаури С.Н.* Забвению неподвластно. Избранные публикации. М., 2004, с. 154 (*Alkaeva L.O.* 1975. Iz istorii turestkogo romana 20-50-e gody 20 veka. M.); (*Uturgauri S.N.* 2004. Zabveniuyu nepodvlastno. Izbrannye publikastii. M.) (in Russian)

³ *Taner H.* Dairede Islahat // Bütün Hikayeleri-1. Kizil Saçli Amazon. Ankara, 2005, s. 55.

ТУНИС: НОВЫЕ ГОЛОСА В ЛИТЕРАТУРЕ

С.В. ПРОЖОГИНА

Доктор филологических наук
Институт востоковедения РАН

Ключевые слова: современная франкоязычная тунисская проза, новеллистика, рожденная «арабской весной»

Череду революционных порывов и в Магрибе, и в Машрике, на Ближнем Востоке, так и назвали: «Арабская весна». Долгожданное время расцвета надежд народов, уставших от рутины бесконечного ожидания смены политических режимов, социальных изменений, свершения обещаний изменения жизни к лучшему. А ведь это - истина, сформулированная именно так еще в русской литературе: «Человек рождается для лучшего»... Да еще

к этому непременно и «звучать» ему надо «гордо», и должно жить по Закону справедливости. (Хочется, конечно, добавить «Равенства и Братства», но это, увы, оказалось недоступным нигде...) А справедливости уже давно не хватало тем, кто добился полвека назад независимости, сбросив цепи колониализма.

И тогда, и сегодня Тунис одним из первых среди арабских стран Магриба зажег свой факел борьбы за

лучшую жизнь. 17 декабря 2010 г. молодой человек, семья которого лишилась кормильца, отца, взял его тележку зеленщика, торговца овощами, и пошел с отчаяния продавать свой нехитрый товар в центр столицы, дабы выручка его была чуть-чуть побольше... Но оттуда его грубо прогнали, оскорбили, указали на то, что таким, как он, место - на окраине, там, где живет беднота... И юноша в знак протеста поджег себя, облив горючим материалом, превратившись в живое пламя, искры которого охватили и север, и юг Туниса, словно ожидавшего этого пожара вспыхнувшей людской обиды и презрения к давно ненавистному порядку в стране. А потом пламя перекинулось и за ее пределы... Результаты «арабской весны» далеко не позитивны, но мы говорим о надеждах.

В ситуации протестной энергии одного народа может зародиться инерция движения за общечеловеческую справедливость. Но никуда не деться от очевидности: именно в художественной литературе магрибинцев всегда точно, психологически безупречно, социально четко и политически объективно, эстетически убедительно описывалось состояние общественного настроения своей страны или сопредельных с ней. Достаточно знать книги Мулуда Маммери, Катеба Ясина, Дриса Шрайби, Асси Джебар, Альбера Мемми, Ясины Хадры.

Вот и лауреат Гонкуровской премии, именитый марокканец Тахар Бенджелун немедленно откликнулся на события в Тунисе своей повестью - почти документальным свидетельством: «Жасминовая революция» (Р., 2011), где практически воссоздал и реальный контекст, и метафорический смысл восстания тунисской молодежи и ее прекрасных надежд, похожих на благоухание лепестков белых цветов... Нельзя не отметить, что наш журнал немало рассказывал о достоинствах новой магрибинской культуры и литературы и на протяжении последних пятидесяти лет (с 1964 г.) систематически извещал интересующегося читателя о событийных явлениях в прозе, в поэзии, о значительных именах в литературе Марокко, Алжира и Туниса.

Внимательный читатель, помимо «культурной составляющей» жизни стран Северной Африки, заодно мог почерпнуть сведения и о реальном положении дел в этих странах и настроениях их обществ. Таково уж свойство этой литературы, захотевшей с самого начала, еще в эпоху антиколониальной борьбы своих народов, стать реалистической картиной их жизни, художественной типизацией общественных трансформаций и «переломов», своеобразной мерой глубины переживаний народа в постколониальной действительности.

В последние два десятилетия литература (особенно алжирская, а порой и марокканская, и тунисская) становилась зачастую и единственным - пусть художественным - но правдивым документом, иногда буквально фиксирующим то, что происходило в Магрибе или в среде магрибинских иммигрантов на Западе... Чего только стоят свидетельства таких корифеев, как М.Диб, Р.Буджедра, М.Тлили, Т.Бенджелун, Б.Сенсаль, а имена и произведения М.Моккедем, С.Беншекрун, Х.Бусседжры и других молодых магрибинок только пополняют список художественных документов эпохи, когда злодеяния исламских интегралов на магрибинской земле уравни-

вались с ущербом от колониального захвата. Времена настали другие, зазвучали и другие голоса.

Да, скажут мне, но это ведь все франкоязычные поэты и писатели, им «легче» звучать, у них - другая аудитория, особая, открытая Западу, воспринимающая все, что ни происходит, не столь религиозно-мистически, сколь - аргюги - критически, подвергая сомнению, вопрошению, констатируя определенные социальные и политические «диссонансы» как условие необходимого (или даже неизбежного) изменения жизни... И будут мои оппоненты правы.

Язык - это часть менталитета. А выбранный добровольно многими представителями художественной интеллигенции Магриба язык бывшей метрополии - особое наследие французской цивилизации, свидетельство ее глубокого проникновения в арабберберскую культуру Северной Африки.

Они создали образцы и новейшей литературы Магриба, которая без труда разместились в русле мирового литературного процесса, расширив сферу литературного традиционного франкоязычия и его бытописательский ареал, украсив ее новыми яркими именами, новым содержанием и даже формами, а порой опередив и подвижные смысловые структуры «нового французского романа», удивив мир сочетанием сюрреальной поэзии и остро-политической прозы в одном текстовом пространстве.

Новаторство (и в то же время уважение к традициям и арабской, и берберской, и французской культурам) было отмечено. Не проходили незамеченными или не отмеченными высокими премиями и наградами произведения магрибинцев, уже объективно вошедшие в объем понятия «культурное наследие» Северной Африки XX в. Не удивительно, что всемирно известными премиями Франции награждались многие франкоязычные магрибинцы - писатели и поэты. Среди знаменитых франкоязычных магрибинцев - и лауреаты премии «За лучший арабский роман» марокканец А.Серхан, алжирец Б.Сансаль, лауреаты национальных премий Алжира, Марокко и Туниса Нурэддин Аба, Р.Тимунни, М.Тлили и др.

В начале 2000-х гг. - просто вспышка новых молодых имен и марокканцев (особенно женщин!), и алжирцев (среди них тоже немало женских имен, что очень знаково - жизнь идет вперед вопреки религиозному фанатизму). А теперь - и тунисцев!

Новые голоса звучат в новом политическом контексте: это уже не время «переломов», «переходов» или «застоя, безысходности тупиков и мрачных туннелей постколониальной реальности», когда далеко не все знали, на какой «свет» идти... Сегодня время всплеска новой энергии народа, его веры в то, что родную страну можно поднять с колен и не просто любить, но обновить, изменить, перестроить.

Небольшой по объему томик новелл, который я заприметила на полке библиотеки Института арабского мира, подарил мне абсолютно новую встречу с любимым Тунисом. Он так и называется: «Тунисские новости» («Nouvelles de Tunisie». Р., 2012). Их охотно печатают не потому, что они сообщают что-то сенсационное, но потому, что в них - уверенность в правде, а это придает особый резонанс их звучанию.

Одна из новелл чем-то неувлочно напоминает стихи из сборника тунисца Тахара Бекри «Пахарь

Солнца»¹, хотя и написана почти двадцать лет спустя... Иман Бассалах (р. 1975) в этом искусном этюде, психологически тонко запечатлевая нюансы как арабского, так и французского менталитета, и как бы перекликаясь с соотечественником М.Тлили, воссоздавшим в своем гениальном романе «Послеполуденный зной в пустыне»² конец колониального сосуществования на тунисской земле двух разных миров и воцарение «безжизненного зноя» и «пыльной тьмы» вражды народов, взывает совсем к другому. Он пишет не только о любви француженки к его стране (ее, эту землю, любили и раньше!), но о желании жить и умереть на ней во имя любви к другому, во имя любви разных людей, ищущих каждый в своей жизни самое главное: путь от сердца к сердцу. Без войны. Без угрозы изгнания. Ведь человек знает, где он может *укорениться*.

А эту трагедию - *откоренения* - кто только не описывал из французов, живших в Магрибе, и из магрибинских писателей. И последний из них - лауреат Гонкуровской премии марокканец Т.Бенджелун словно бы предварил рассказ своего молодого

тунисского коллеги И.Бассалаха романом «Домой» (2009), где запечатлел трагический исход из Франции марокканского иммигранта, так и не сумевшего обрести покой на родной земле, детей, почти забывших ее, и умереть в напрасно построенном для них доме. Возвращение не состоялось³.

Другая новеллистка - Лина бен Мхенни (р. 1983), соотечественница Бассалаха, рассказ которой публикуется ниже, по своему опыту знает, что проще всего погрузиться во мрак несчастья, в бездну отчаяния, бед, свалившихся на человека в этом неблагополучном мире, но пытается спасти человека, вырвать его из оков несчастья, вывести на дорогу, ведущую к Свету, а потому зажигает свой факел в сердце, разбуженном революцией... Пожелаем и ей солнцем залитой дороги...

¹ О поэте см.: ст. *Прожогиной С.В.* в журн. Азия и Африка сегодня, 2013, № 10.

² О нем см.: ст. *Прожогиной С.В.* «В поисках настоящего времени». М., 2011.

³ О романе подр. см. в кн.: *Крылова Н.Л., Прожогина С.В.* Путь к себе. М., 2013.

ЛИНА БЕН МХЕННИ

(Тунис)

СОЛНЦЕМ СЕРДЦЕ ПОЛНО...

РАССКАЗ

«**Л**ина» - буквально означает «Наша». То есть та, которая принадлежит нам. Та, которая с нами. В имени, данном мне при рождении, было какое-то предзнаменование. Могло ли оно повлиять на мою судьбу? Ведь я была первым ребенком в семье, жившей в стране, где желательно, чтобы первенцем был сын. И где дочь, занявшая его место, была почти позором для матери, а на отца, не способного сразу продолжить свой род, навсегда ложилась тень недовольства его родни.

Но были и те, кто пытался утешить моих родителей.

«Она такая симпатичная девочка! Да и вы еще так молоды оба, что будет время и для мальчика! Сын обязательно родится!» - успокаивал их друг, издатель по профессии.

Но парадокс в том, что в моей семье родители страстно желали первенцем иметь именно девочку. Да и бабушка по материнской линии была за девочку: ведь в молодости она была поклонницей первого тунисского президента - Хабиба Бургибы, которому принадлежит честь эмансипации женщин в нашей стране...

- Лина! Назовем ее Линой! - воскликнули, увидев меня, мои родители.

- Но, господин, - возразил отцу зарегистрировавший акт о моем рождении чиновник, - такого имени - Лина - нет у мусульман! И я не могу записать ее туниской!

Этот торжественный отказ муниципального служащего, решительно не пожелавшего моей регистрации под таким именем, поразил отца в самое сердце. Ведь имя мое не с неба к ним свалилось.

Они выбрали его среди тысяч других имен только потому, что оно красиво звучало на всех языках. И это его интернациональное звучание было особенно важно для моих отца и матери: тогда они были активистами в рядах марксистов-ленинцев, и их дом всегда был полон гостей со всех континентов...

И вот теперь отцу объявляют, что такого имени нет у мусульман. Что имя это - не арабское... Для отца это было первым серьезным столкновением с жизнью, с «людской глупостью» - как сказал он. Но одновременно и первой серьезной удачей: случайно оказавшийся рядом друг отца - историк и социолог по профессии - обратился к чиновнику с речью, уверив его в том, что выбранное имя имеет не только арабские, но и ис-

ламские коннотации, и упомянуто в самом Коране: таково было, как сказал он, название молодой пальмы в одном из оазисов на пути Пророка... «Прекрасно!» - ответил ему растерявшийся чиновник, сраженный упоминанием Корана. Однако не думавший сдаваться.

- Но тогда надо записать девочку либо как Линах, либо как Линат. Так будет правильнее по-арабски. Но в любом случае не «Лина», как этого хочет отец ребенка!

Но отец тоже не сдавался, он боролся за свободу выбора имени для собственного дитя. Начался скандал. Его как-то удалось урегулировать. Не обошлось, видимо, без уплаты чиновнику за упрямство обоим... Но это было только началом. Только предвкушением моей дальнейшей судьбы.

...Небольшой старый домик родителей - деревянный барак, 60 квадратных метров, никогда не пустовал. Был настоящим перекрестком идей, проектов, мечтаний...

Можно даже сказать, что здесь пересекались разные цивилизации: кто только тут ни побывал - шведы и французы, голландцы, латиноамериканцы и азиаты, египтяне, сенегальцы, угандийцы... Студенты, искавшие совета и поддержки; оппозиционеры разного толка; смутьяны и во-

Перевод по: *Linah ben Mhenni.* Le Soleil au Coeur // Nouvelles de Tunisie. P. 2002.